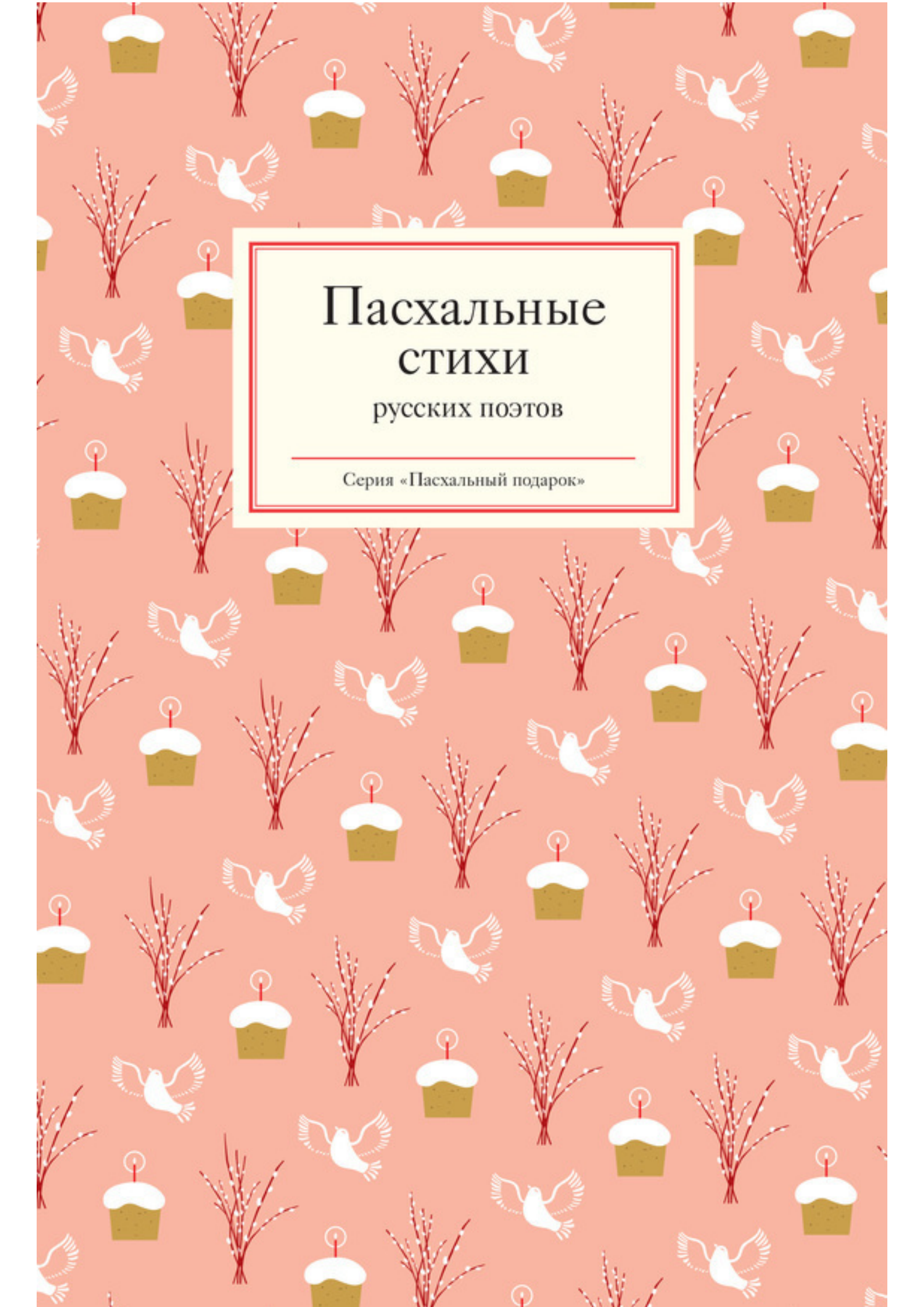

Пасхальные СТИХИ

русских поэтов

Серия «Пасхальный подарок»

Пасхальный подарок

Пасхальные стихи русских поэтов

«Никея»

2013

Пасхальные стихи русских поэтов / «Никея»,
2013 — (Пасхальный подарок)

ISBN 165 978-5-91761-702-2

Любовь – главная тема поэзии всех времен и народов. Жизнь Христа, положившего душу Свою за тех, кто пригвоздил Его ко Кресту, – высшее проявление любви и неисчерпаемый источник вдохновения поэтов. Во множестве песен они воспели Страдания и Воскресение Спасителя мира, прославили Пасху – праздник Жизни и Любви. В этой книге собраны пасхальные стихи русских поэтов с древних времен до наших дней. Это прекрасный подарок всем любителям русской поэзии, всем, кто хочет прикоснуться к свету Воскресения, запечатленному выдающимися художниками слова.

ISBN 165 978-5-91761-702-2

, 2013

© Никея, 2013

Содержание

Иннокентий Анненский	7
Вербная неделя	7
Глеб Анфилов	8
У Пилата	8
Алексей Апухтин	9
Моление о чаше	9
Голгофа	11
Виктор Афанасьев (монах Лазарь)	13
Перелетные птицы	13
Леонид Афанасьев	14
Христос поруганный	14
Анна Ахматова	15
Распятие	16
***	17
Константин Бальмонт	18
На мотив псалма 18-го	18
Благовест	19
Красота	20
Владимир Бенедиктов	21
7 апреля 1857	21
Сергей Бехтеев	23
Великопостное	23
Воскресенье	24
У Креста	25
Александр Блок	26
Вербная суббота	26
***	27
Александр Боровиковский	28
***	28
Валерий Брюсов	29
Крестная смерть	29
Павел Булыгин	30
«Что есть истина?»	30
Иван Бунин	31
Вход в Иерусалим	31
В Гефсиманском саду	32
Христос воскрес!	33
Леонид Бутовский	34
Мария Магдалина	34
Максимилиан Волошин	36
Воскрешение Лазаря	36
Михаил Вышеславцев	37
Стихиры	37
***	37
***	37
Петр Вяземский	39

Одно сокровище	39
Зинаида Гиппиус	42
Христу	42
Николай Гнедич	43
У Бога мертвых нет	43
Сергей Городецкий	44
У Гроба Воскресшего Господа	44
Эдуард Губер (1814–1847)	45
Предательство Иуды	45
Бичевание Христа	47
Николай Гумилев	49
Вечное	49
***	50
Христос	51
Татьяна Егорова	52
На Крестопоклонной	52
Предошущение Недели Фоминой	53
***	54
Сергей Есенин	55
***	55
Пасхальный благовест	56
Алексей Жемчужников	57
У всеобщей на Страстной неделе	57
Вынос Плащаницы	58
Василий Жуковский	59
Stabat Mater[1]	59
К. Р. (Константин Романов, великий князь)	61
На Страстной неделе	61
Хвала Воскресшему	62
Алексей Кольцов	63
Перед образом Спасителя	63
Аполлон Коринфский	64
Святая весть	64
Александр Круглов	66
***	66
Михаил Кузмин	67
Пасха	67
Пасха	69
Страстной пяток	70
***	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Пасхальные стихи русских поэтов

Составитель Татьяна Стрыгина

© «Никея», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Дорогой читатель!

Выражаем Вам глубокую благодарность за то, что Вы приобрели легальную копию электронной книги издательства «Никея».

Если же по каким-либо причинам у Вас оказалась пиратская копия книги, то убедительно просим Вас приобрести легальную. Как это сделать – узнайте на нашем сайте www.nikeabooks.ru

Если в электронной книге Вы заметили какие-либо неточности, нечитаемые шрифты и иные серьезные ошибки – пожалуйста, напишите нам на info@nikeabooks.ru

Спасибо!

Иннокентий Анненский (1856–1909)

Вербная неделя

В.П. Хмара-Барицевскому

В желтый сумрак мертвого апреля,
Прощавшись с звездною пустыней,
Уплывала Вербная неделя
На последней, на погиблой снежной льдине;

Уплывала в дымах благовонных,
В замираньи звонов похоронных,
От икон с глубокими глазами
И от Лазарей, забытых в черной яме.

Стал высоко белый месяц на ущербе,
И за всех, чья жизнь невозвратима,
Плыли жаркие слезы по вербе
На румяные щеки херувима.

1907

Глеб Анфилов (1886 – 193?)

У Пилата

Близ ворот собирались законники
И решили, чтоб все без различья
Добивались прощенья разбойника,
Ибо это – в обычае.

<...>

В час полудня в садах безглагольных
Совершалось великое судьбище,
И Пилат был покорно безволен
Пред одетым в кровавое рубище.

Замечтался безбрежными мыслями
Прокуратор – ходивший в Британию,
В тишине под гранатными листьями
Завершались предания.

Алексей Апухтин (1840–1893)

Моление о чаше

В саду Гефсиманском стоял он один,
Предсмертною мукой томимый.
Отцу всеблагому в тоске нестерпимой
Молился страдающий Сын.

«Когда то возможно,
Пусть, Отче, минует Мя чаша сия,
Однако да сбудется воля Твоя...»
И шел он к апостолам с думой тревожной,
Но, скованы тяжелой дремой,
Апостолы спали под тенью оливы,
И тихо сказал он им: «Как не могли вы
Единого часа побдети со Мной?
Молитесь! Плоть немощна ваша!...»
И шел он молиться опять:
«Но если не может Меня миновать —
Не пить чтоб ее — эта чаша,
Пусть будет, как хочешь Ты, Отче!» И вновь
Объял Его ужас смертельный,
И пот Его падал на землю как кровь,
И ждал он в тоске беспредельной.
И снова к апостолам он подходил,
Но спали апостолы сном непробудным,
И те же слова он Отцу говорил,
И пал на лицо, и скорбел, и тужил,
Смущаясь в борении трудном!..
О, если б я мог
В саду Гефсиманском явиться с мольбами,
И видеть следы от Божественных ног,
И жгучими плакать слезами!
О, если б я мог
Упасть на холодный песок
И землю лобзать ту святую,
Где так одиноко страдала любовь,
Где пот от лица Его падал как кровь,
Где чашу он ждал роковую!
О, если б в ту ночь кто-нибудь,
В ту страшную ночь искупленья,
Страдальцу в изнывшую грудь
Влил слово одно утешенья!

Но было все тихо во мраке ночном,
Но спали апостолы тягостным сном,
Забыв, что грозит им невзгода;
И в сад Гефсиманский с дрекольем, с мечом,
Влекомы Иудой, входили тайком
Несметные сонмы народа!

1868

Голгофа

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала Мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу, и тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми...
А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Все ждало истины...
И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли – и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.
И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идола, а в храмах Бога Сил
Сияет на Кресте голгофский Икупитель!

17 апреля 1855

Виктор Афанасьев (монах Лазарь)
(р. 1932)

Перелетные птицы

Над померкшими лесами
И над озером седым
Облака летят волнами
И клубятся словно дым.
Отправляясь в путь опасный
Без предела и границ,
Покидают край ненастный
В день осенний стаи птиц.
Долго-долго им тянуться
Над пучиною морской,
И не все они вернутся
В дни пасхальные домой.
Мы их встретим на пороге
Теплых дней: «Летят! летят!»
Как трудны у птиц дороги,
Но как весел их возврат!

Леонид Афанасьев (1864–1920)

Христос поруганный

Христос поруганный, осмеянный толпой,
Христос страдающий, Христос за мир распятый,
Христос, проливший свет над грешною землей,
Неверием объятай.
Христос, принесший нам весть мира и любви,
Христос, спасающий евангельским ученьем
Мир погибающий и тонущий в крови,
И мучимый сомненьем.
Христос, источник благ, любви и мира свет,
Надежды яркий луч и жизни воскресенье!
Приди к нам в грешный мир и повтори завет
Великого ученья!
Приди в наш век больной ничтожества и тьмы,
Где ненависть и зло раскидывают сети;
Где, позабыв Тебя, без веры гибнем мы —
Мы, слабые, как дети!
Рассей гнетущий мрак неверия и лжи!
Рассей сомнения речами откровенья!
И погибающим, как солнце, укажи
Пути для вечного спасенья!

Анна Ахматова
(1889–1966)

В каждом древе распятый Господь,
В каждом колосе Тело Христово.
И молитвы пречистое слово
Исцеляет болящую плоть.

1946

Распятие (Из поэмы «Реквием»)

Не рыдай Мене, Мати, во гробе зрящи.

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил?»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

1935–1940

Я в этой церкви слушала Канон
Андрея Критского в день строгий и печальный,
И с той поры великопостный звон
Все семь недель до полночи пасхальной
Сливался с беспорядочной стрельбой,
Прощались все друг с другом на минуту,
Чтоб никогда не встретиться... и смуту судьбой.

1917. Петербург. Боткинская, 9

Константин Бальмонт (1867–1942)

На мотив псалма 18-го

Ночь ночи открывает знание,
Дню ото дня передается речь.
Чтоб славу Господа непопранной сберечь,
Восславить Господа должны Его созданья.

Все от Него – и жизнь, и смерть.
У ног Его легли, простерлись бездны,
О помыслах Его вещает громко твердь,
Во славу дел Его сияет светоч звездный.

Выходит Солнце-исполин,
Как будто бы жених из брачного чертога,
Смеется светлый лик лугов, садов, долин,
От края в край небес идет его дорога.

Свят, свят Господь, Зиждитель мой!
Перед лицом Твоим рассеялась забота.
И сладостней, чем мед, и слаще капель сота
Единый жизни миг, дарованный Тобой!

Благовест

Я ждал его с понятным нетерпением,
Восторг святой в душе своей храня,
И сквозь гармонию молитвенного пенья
Он громом неба всколыхнул меня.
Издревле благовест над Русскою землею
Пророка голосом о небе нам вещал;
Так солнца луч весеннею порою
К расцвету путь природе освещал.
К тебе, о Боже, к Твоему престолу,
Где правда, Истина светлее наших слов,
Я путь держу по Твоему глаголу,
Что слышу я сквозь звон колоколов.

Красота

Одна есть в мире красота —
Любви, печали, отречения
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.
Скрылась за рекою
Бледная луна,
Звонко побежала
Резвая волна.
Кладбище мирное
Млеет цветами,
Пение клирное
Льется волнами.
Светло-печальные
Песни пасхальные
Сердцем взлелеяны,
Вечным овеяны.

Владимир Бенедиктов (1807–1873)

7 апреля 1857

Христос воскрес!
Воскресни ж все – и мысль и чувство!
Воспрянь, наука! Встань, искусство!
Возобновись, талант словес!
Христос воскрес!
Возобновись!
Воскресни, Русь, в обнове силы!
Проснись, восстань из недр могилы!
Возникни, свет! Дел славных высь,
Возобновись!
Возникни, свет!
Христос во гробе был трехдневен;
Ты ж, Русь... Творец к тебе был гневен;
Была мертва ты тридцать лет,
Возникни, свет!
Была мертва!
На высоте, обрызган кровью,
Стоял твой крест. Еще любовью
Дышала ты, но голова
Была мертва.
Дышала ты, —
И враг пришел, и в бранном зное
Он между ребр твоих стальное
Вонзил копье, но с высоты
Дышала ты.
Вонзил копье —
И се: из ребр твоих, родная,
Изыде кровь с водой Дуная
И враг ушел, в тебя свое
Вонзив копье.
И враг ушел!
Воскресла б ты, но, козни сея,
Тебя жмет нечисть фарисея,
Чтоб новый день твой не взошел,
А враг ушел.
Твой новый день
Взойдет – и зря конец мытарствам,
Ты станешь новым, дивным царством.
Идет заря. Уж сдвинул тень
Твой новый день.

Идет заря.
Не стало тяжкого молчанья;
Кипят благие начинанья,
И на тебя с чела царя
Идет заря.
И се – тебя
Не как Иуда я целую,
Но как разбойник одесную;
«Христос воскрес» – кричу, любя,
О Русь, тебя.
Христос воскрес!
И ты, земля моя, воскресни,
Гремите, лиры! Пойтесь, песни!
Отчизна! Встань на клик небес!
Христос воскрес!

Сергей Бехтеев (1879–1954)

Великопостное

Господи Владыка живота моего!..

Ты нас учил любить врагов,
Не мстить, не гнать за зло злодеев,
Прощать корыстных должников
И опасаться фарисеев.
Ты завещал закон блюсти,
Не забывать в скорбях о Боге
И крест безропотно нести
По дебрям жизненной дороги...
Но Боже, Боже, как для нас
Твои слова невыполнимы,
Как каждый день и каждый час
Мы духом злобы одержимы!
И, прелесть мира возлюбя,
Творя распутство до могилы,
Как далеки мы от Тебя,
Как близки к князю темной силы!

Пасха 1936 года. Ницца

Воскресенье

Христос воскресе, сестры-братья.
Прошла печаль и скорбь поста,
Раскроем жаркие объятья,
Сомкнем горячие уста!..

Сегодня праздник Воскресенья,
Сегодня благовест гласит
О дне великом всепрощенья,
Забвенья горя и обид.

Ликует лес, поля и доли,
Весенней негою дыша,
И слышит тайные глаголы
Благоговейная душа.

И эта радость Воскресенья
Звучит и в рокоте ручья,
И в каждом шорохе растенья,
И в каждой трели соловья.

1924. Старый Футог

У Креста

Шумит народ, тупой и дикий,
Бунтует чернь. Как в оны дни,
Несутся яростные крики:
«Распни Его, Пилат, распни!»

Распни за то, что он смиренный,
За то, что кроток лик Его.
За то, что в благодати презренной
Он не обидел никого.

Взгляни – Ему ли править нами,
Ему ли, жалкому, карать!
Ему ли кроткими устами
Своим рабам повелевать!

Бессилен он пред общей ложью,
Пред злобой, близкой нам всегда,
И ни за что к Его подножью
Мы не склонимся никогда!»

И зло свершилось! Им в угоду
Пилат оправдан и омыт,
И на посмешище народу
Царь оклеветан... и... убит!

Нависла мгла. Клубятся тени.
Молчат державные уста.
Склонись, Россия, на колени
К подножью Царского Креста!

1921

Александр Блок (1880–1921)

Вербная суббота

Вечерние люди уходят в дома.
Над городом синяя ночь зажжена.
Боярышни тихо идут в терема.
По улице веет, гуляет весна.

На улице праздник, на улице свет,
И свечки, и вербы встречают зарю.
Дремотная сонь, неуловленный бред —
Заморские гости приснились царю...

Приснились боярам... — «Проснитесь, мы тут...»
Боярышня сонно склонилась во мгле...
Там тени идут и виденья плывут...
Что было на небе — теперь на земле...

Весеннее утро. Задумчивый сон.
Влюбленные гости заморских племен
И, может быть, поздних, веселых времен.

Прозрачная тучка. Жемчужный узор.
Там было свиданье. Там был разговор...
И к утру лишь бледной рукой отперлась,
И розовой зорькой душа занялась.

1 сентября 1903. С.-Петербург

И Дух и Невеста говорят: приходи.
Апокалипсис

Верю в Солнце Завета,
Вижу зори вдали.
Жду вселенского света
От весенней земли.
Все дышавшее ложь
– Отшатнулось, дрожа
Предо мной – к бездорожью
Золотая межа.
Заповеданных лилий
Прохожу я леса.
Полны ангельских крылий
Надо мной небеса.
Непостижного света
Задрожали струи.
Верю в Солнце Завета,
Вижу очи Твои.

22 февраля 1902

Александр Боровиковский (1844–1905)

Мы были там. Его распяли,
А мы стояли в стороне
И осторожно все молчали,
Свои великие печали
Храня в душе своей – на дне.

Его враги у нас спросили:
«И в вас, должно быть, тот же дух?!
Ведь вы его друзьями были!»
Мы отреклись... Нас отпустили...
А вдалеке пропел петух...

Нам было слышно: умирая,
Он все простил своим врагам;
Он умер, их благословляя,
Открыв убийце двери рая...
Но... он простил ли и друзьям?!

14 марта 1877, ночью

Валерий Брюсов (1873–1924)

Крестная смерть

Настала ночь. Мы ждали чуда.
Чернел пред нами черный крест.
Каменьев сумрачная груда
Блистая под мерцаньем звезд.
Печальных женщин воздыханья,
Мужчин угрюмые слова, —
Нарушить не могли молчанье,
Стихали, прозвучав едва.
И вдруг он вздрогнул. Мы метнулись,
И показалось нам на миг,
Что глуби неба распахнулись,
Что сонм архангелов возник.
Распятый в небо взгляд направил
И, словно вдруг лишенный сил,
«Отец! почто Меня оставил!»
Ужасным гласом возопил.
И римский воин укус жгучий
На губке протянул шестом.
Отведав, взор он кинул с кручи,
«Свершилось!» – произнес потом.
Все было тихо. Небо черно.
В молчаньи холм. В молчаньи дол.
Он голову склонил покорно,
Поник челом и отошел.

1911

Павел Булыгин (1896–1936)

«Что есть истина?»

(Ин. 18:38)

«Что истина?» – Пилат Ему сказал
И руку поднял высоко над головою,
И, говоря о том, слепец не знал,
Что Истина пред ним с поникшей головою.

В томлении изменчивых путей,
Блуждая в темноте усталыми ногами,
Об истине тоскуем мы сильней,
Не зная, что Она всегда, везде пред нами.

Иван Бунин (1870–1953)

Вход в Иерусалим

«Осанна! Осанна! Гряди
Во имя Господне!»
И с яростным хрипом в груди,
С огнем преисподней
В сверкающих гнойных глазах,
Вздувая все жилы на шее,
Вопя все грознее,
Калека кидается в прах
На колени,
Пробившись сквозь шумный народ,
Ощеривши рот,
Щербатый и в пене,
И руки раскинув с мольбой —
О мщеньи, о мщеньи,
О пире кровавом для всех обойденных судьбой —
И Ты, Всеблагой, Свете тихий вечерний,
Ты грядешь посреди обманувшейся черни,
Преклоняя свой горестный взор,
Ты вступаешь на кротком осяти
В роковые врата – на позор,
На пропятье!

В Гефсиманском саду

...И в этот час, гласит преданье,
Когда, сомнением томим,
Изнемогал он от страданья.
Все преклонилось перед ним.

Затихла ночь и благоговенье,
И слышал он: «Моих ветвей
Колючий терн – венцом мученья
Возложат на главе твоей;
Но терн короною зеленой
Чело святое обовьет —
В мир под страдальческой короной,
Как царь царей, Господь войдет!»
И кипарис, над ним шумящий,
Кому шептал во тьме ночной:
«Благослови Господь скорбящий, —
Велик и славен подвиг твой!
Я вознесу над всей вселенной
Мой тяжкий крест, и на кресте
Весь мир узрит тебя, смиренный,
В неизреченной красоте!»
Но снова он в тоске склонялся,
Но снова он скорбел душой —
И ветер ласковой струей
Его чела в тиши касался:
«О, подними свой грустный взор!
В час скорби, в темный час страданья
Прохлады свежее дыханье
Я принесу с долин и гор,
И нежной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
И от востока до заката
Твои глаголы возвещу!»

1894

Христос воскрес!

Христос воскрес! Опять с зарею
Редает долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.

Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;

Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!

Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.

Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов, и в глубь долин;

Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!

1896

Леонид Бутовский (1842–1893)

Мария Магдалина

Всем сердцем, всей душой, всей мыслью возлюбив
Сладчайшего Христа, Мария Магдалина,
И очевидною свидетельницей быв
Голгофского конца Божественного Сына,
Ты небоязненно во тьме ночной порой,
Влекомая любви неодолимой силой,
Страх женский отложив, на Гроб Его святой
С другими женами Мариями спешила,
Забыв спокойствие, час отдыха и сна.
В печальный вертоград Ты с сердцем сокрушенным
Достигла наконец, желания полна,
Чтоб миром Господа помазать многоценным.
Единой мыслию всецело занята...
В душе твоей горит усердья чистый пламень,
Гробницу видишь ты... и что ж?.. она пуста...
Тяжелый отвален от двери Гроба камень.
В недоумении, тогда же, поутру,
Об этом возвестить ученикам желая,
Ты скоро к ним идешь, верховному Петру
И Иисусову наперснику вещая:
«Не знаю, где теперь положен, только взят
Учитель мой, Господь... и унесен из Гроба».
С тобой ученики идут в священный сад —
Один перед другим спешат на место оба...
И вот пришли... и точно: Гроб открыт,
Лишь ризы Господа в одном углу лежали,
В другом же с головы сударь особо свит.
Дивясь, ученики обратно поспешали.
Мария ж отойти от Гроба не могла,
Но, заливаясь горячими слезами,
Поближе к впадине гробницы подошла
И скорбными туда проникнула очами.
Что видит там она? — Два Ангела сидят,
У ног и у главы, как Иисуса Тело
Положено было, и радостен их взгляд...
Сияет празднично их одеянье бело.
«Что плачешь?» — слышится ей от бесплотных глас;
«Положен где... кем взят Господь мой, я не знаю!»
Сказавши так, глядит, назад оборотясь,
И, в вертоградаре Христа не узнавая,

С словами теми же приблизилась к Нему:
«Коль Господа ты взял, скажи мне, умоляю,
Где положил Его, и я Его возьму?»
Не опуская глаз, ответа ждет Святая...
«Мария!» – издают сладчайшие уста...
Мария в тот же миг Учителя узнала
И, видя пред собой воскресшего Христа,
В безмерной радости к стопам Его упала.

Максимилиан Волошин (1877–1931)

Воскрешение Лазаря

(Ин. 11)

О Царь и Бог мой! Слово силы
Во время оно Ты сказал, —
И сокрушен был плен могилы,
И Лазарь ожил и восстал.
Молю, да слово силы грянет,
Да скажешь «встань!» душе моей, —
И мертвая из гроба встанет,
И выйдет в свет Твоих лучей.
И оживет, и величавый
Ее хвалы раздастся глас
Тебе – сиянью Отчей славы,
Тебе – умершему за нас!

Михаил Вышеславцев (1757(?) – 1830)

Стихиры

*Днесь содержит гроб
Содержащего дланию тварь.*

Се тесный гроб Того вмещает,
Который держит дланью тварь!
Се хладный камень покрывает
Тебя, миров бессмертный Царь!
Уснула жизнь – и ад трепещет!
Адам свободен от оков,
Пожерта смерть – и враг скрежещет,
Христос разрушил злобный ков —
Смотренье совершил страданьем,
И двери неба отворил!

Приидите, видим Живот наш во гробе лежащ.

Воззрим на Жизнь, лежащу в гробе!
Она всех мертвых оживит —
Се Царь веков в земной утробе!
Он смертью нам живот дарит,
И ада, смерти нам не будет!
Пророча он в Иуде спал —
Уснул, как лев, – и кто возбудит?
Восстанет Сам! – он пострадал,
Он умер волею. – Воскреснет,
И воскресит, прославит нас!

Петр Вяземский (1792–1878)

Одно сокровище

Одно сокровище, одну святыню
С благоговением я берегу,
За этим кладом я ходил в пустыню
И кочевал на дальнем берегу.

Весь этот клад – одно воспоминанье;
Но жизнь мою, жизнь мелочных забот,
Оно искупит, даст ей смысл, благоуханье,
Которое меня переживет.

Я помню край, опустошенья полный,
Минувшего величья прах и тлен;
Пожаров там прошли столетий волны
И выжгли почву, жизнь и след племен.

Природа смотрит дико и несчастно;
Там, на земле, как будто казнь лежит.
И только небо, скорбям непричастно,
Лазурью чудной радостно горит.

Там дерево томится тенью скудной,
Поток без волн там замер и заглох
И словно слышен в тишине безлюдной
Великой скорби бесконечный вздох.

Но этот край – святая Иудея,
Но летопись опальной сей земли —
Евангелие: свято, не старея,
Сии места преданья сберегли.

Передают дням беглым камней груды —
Глаголы вечности и Божий суд;
Живые там – порожные сосуды,
Но мертвецы хранят живой сосуд.

Текущий день мрачнее мертвой ночи,
Но жизнью дышит вечное вчера:
Здесь пред тобой слепцу отверсты очи,
Здесь недвижимый восстает с одра.

Из каменного гроба Иисусом
Здесь вызван Лазарь: страшный, грозный вид!
Его лицо обвязано убрсом,
От плеч до ног он пеленой обвит.

Но он восстал, мертвец четверодневный;
Забилось сердце, жизнью вспыхнул взор:
Услышаны молитва, плач душевный
О милом брате плачущих сестер!

Священных книг и лица, и события
Живой картиной радуют глаза.
И на душе, под таинством наитья, —
Любовь и страх, улыбка и слеза.

И нет страны на всей земле обширной,
Где бы душа как дома зажила,
Где б жизнь текла такой струею мирной,
Где б смерть сама желаннее была.

И помню я, паломник недостойный,
Святых чудес заветные места,
Тот свод небес, безоблачный и знойный,
Тот вечный град бессмертного Креста.

И память эта не умрет со мною:
Мой биограф, – быть может: Шевырев,
Меня, давно забытого молвою,
Напомнит вновь вниманью земляков.

В итоге дней ничтожных пилигрима
Отметит он один великий день, —
Тот день, когда со стен Ерусалима
И на меня легла святая тень.

И скажет он, что средь живого храма
На Гроб Господень я главу склонил,
Что тихою струею Силоама
Я грешные глаза свои умыл;

Что в этот край, отчизну всех скорбящих,
Я страждущей души носил печаль,
За упокой в земле сырой лежащих
Внес имена на вечную скрижаль;

Что прокаженным, за стенами града
Сидящим одадь, как в евангельские дни,
Мне лепту подавать была отрада,
Чтоб обо мне молились и они;

Что я любил на берегу Кедрона
Иосафатовой долины свежий мир,
Что с высоты божественной Сиона
Внимал я духом песням горних лир;

Что, долго раб житейского обмана,
Послышал раз я неземной призыв,
Когда в водах священных Иордана
Омылся я, молитву сотворив.

1853

Зинаида Гиппиус (1869–1945)

Христу

Мы не жили – и умираем
Среди тьмы.
Ты вернешься... Но как узнаем
Тебя мы?
Все дрожим и себя стыдимся,
Тяжел мрак.
Мы молчаний Твоих боимся...
О, дай знак!
Если нет на земле надежды —
То все прах.
Дай коснуться Твоей одежды,
Забыть страх.
Ты во дни, когда был меж нами,
Сказал Сам:
«Не оставлю вас сиротами,
Приду к вам».
Нет Тебя. Душа не готова,
Не бил час.
Но мы верим – Ты будешь снова
Среди нас.

1901

Николай Гнедич
(1784–1833)

У Бога мертвых нет

Сменяйтесь времена, катитесь в вечность годы,
Но некогда весна бессменная придет.
Жив Бог! Жива душа! И, царь земной природы,
Воскреснет человек: у Бога мертвых нет!

Сергей Городецкий (1884–1967)

У Гроба Воскресшего Господа

Солнце плыло из-за утренней зари,
Мироносицы ко гробу тихо шли.
Скорбь овевала их облаком седым:
Кто у входа камень тяжкий сдвинет им?

Ароматы держат в трепетных руках.
Выплывает солнце в медленных лучах,
Озаряет солнце темный, низкий вход.
Камня нет. Отвален камень. Ангел ждет,

Ангел белый над гробницей Божьей встал,
Мироносицам испуганным сказал:
– Не ищите Иисуса: Он воскрес,
Он на Небе и опять сойдет с Небес.

Тихий ужас, сладкий трепет и восторг
Вестник чуда из сердец всех жен исторг.
Лобызают ткани светлые пелен.
Солнце встало. В небе светлый, вечный звон...

Эдуард Губер (1814–1847)

Предательство Иуды

Дремлют воды Иордана,
Спит развенчанный Сион,
В ризе влажного тумана
Исчезает Елеон. —
Тихо воздух благовонный
Нежит знойный прах земли,
И шумит волною сонной
Море Мертвое вдали: —
Мнится, тайны величавой,
Средь томительного сна,
Или дум борьбы кровавой
Ночь тяжелая полна.
В небе дальнем месяц блещет,
Смотрит весел и игрив;
Бледный свет его трепещет
В темной зелени олив,
И, в лучах его блистая,
В сон глубокий погружен,
Листья длинные качая,
Озарился Елеон.
Полон муки беспредельной
И любви горячих слез,
Человек в тоске смертельной
Руки чистые вознес;
Ближе смерть! Страшнее битва!
Кровь с лица Его бежит;
Безответная молитва
На устах Его дрожит.
Он один, в часы ночные,
Полон страха и скорбей,
Где же спутники молодые,
Где семья Его друзей?
Или, чуждые заботы,
Преклонясь на прах земли,
Одолеть ночной дремоты
В час тяжелый не могли?
Или спят? а Он с любовью
Тихо молится за них;
И скорбит, и плачет кровью
За Апостолов Своих.
Спите тихо до рассвета!
Ближе, ближе страшный час!

Ныне кровь Его завета
Проливается за вас.
Но вот, к пещере сокровенной,
Среди страстей неодолим
Народ толпой ожесточенной
Идет, сомнением томим.
Во тьме ночной мечи сверкают,
При бледном свете фонаря,
И лица грозные мелькают,
Безумной злобою горя.
Народ! – Давно ли он одежды
К ногам Учителя бросал,
И очи, полные надежды
К Нему, моляся, обращал?
А ныне, грозною толпою,
Как дикий зверь, освирепев,
Он поздней крадется тропой
В тени развесистых деревьев.
Давно ли он водил с мольбою
К больным и немощным Врача?
А ныне злобно дышит кровью
И машет лезвием меча.
Сбылось. Народ остановился!
И вот, покорствуя судьбе,
Один, в неслыханной борьбе,
От них украдкой отделился;
Стоит в волнении страстей,
С преступной мыслию своей;
Дрожит и борется, и очи
Кружит в мучительной тоске —
В сей страшный час великой ночи
Судьба земли в его руке!
И тихо ждет его Спаситель;
Он медлит... страшно... он идет,
И, молвя: «Радуйся, Учитель!» —
Его лобзаньем предает...

Бичевание Христа

Зачем озлобленной толпой,
Беснуясь в ярости слепой,
Народ по улицам теснится?
Или во имя Бога сил
Среди поруганных могил
Проснулся бедный Израиль
И жаждой мщения томится?

Куда, волнуясь и шумя,
Идет, оружием гремя?
Не на молитву в дом Иеговы
В урочный час выходит он,
А в дом суда, где гегемон,
Казнить и миловать готовый,
Творит расправу и закон.

Сходя с высокого порога,
Невольным ужасом томим,
Пилат на страждущего Бога,
Смутясь, указывает им.

Но крики грозные несутся:
«Мы не хотим Его! Распни!»,
И вопли гнева раздаются,
И смерти требуют они.

Пилат смутился пред толпою —
И вот с высоких ступеней
К врагам страдальческой стопою
Идет великий Назорей.

Сошел, на миг остановился,
И, да исполнится судьба! —
С улыбкой кроткой преклонился
Он у позорного столба.

Они же злобно в багряницу
Его с насмешкой облекли,
Вложили трость Ему в десницу,
Венец из терния сплели.

С угрозой руки поднимали,
Потом, с насмешкой преклонясь,
Они в глаза Ему плевали,
Бездушной злобой веселясь.

Толпою шумной окружили,
С крыльца высокого свели,
И крест тяжелый возложили,
И к месту казни повели.

Николай Гумилев (1886–1921)

Вечное

Я в коридоре дней сомкнутых,
Где даже небо – тяжкий гнет,
Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конца тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...
О день, когда я буду зрячим
И странно знающим, спеши!

Я душу обрету иную,
Все, что дразнило, уловя.
Благословлю я золотую
Дорогу к солнцу от червя.

И тот, кто шел со мною рядом
В громах и кроткой тишине,
Кто был жесток к моим усладам
И ясно милостив к вине;

Учил молчать, учил бороться,
Всей древней мудрости земли, —
Положит посох, обернется
И скажет просто: «Мы пришли».

Есть Бог, есть мир; они живут вовек
А жизнь людей мгновенна и убога,
Но все в себя вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды, —
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!
И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

Татьяна Егорова
(р. 1955)

На Крестопоклонной

Небо великопостное так высоко!
Кланяюсь Кресту низко.
Мне до спасения так далеко,
Но Воскресение Твое близко!

2011

Предощущение Недели Фоминой

о. Михаилу

Где тот заветный,
Чистый и светлый чертог Твой – не вижу!
Выше подняться подобно Закхею – не смею,
Слышу «Господь мой и Бог!» от
Фомы – и немею.
Но новая тварь – предвижу светилен – ликует,
Тем сердце дышит, —
И вновь весна благоухает!

Неделя Крестопоклонная, 2009

Сокол мой ясный!
День снова зимний,
Среди весны и поста.
Храм Всех Святых, что на Соколе,
Солнце, день расчудесный, мороз!
Ты одарил меня щедро,
Содей, Боже,
Достойной Твоей благодати,
Скоро воскреснет Христос!

На Крестопоклонной, март 2000

Сергей Есенин (1895–1925)

Сохнет стаявшая глина,
На сугорьях гниль опенок.
Пляшет ветер по равнинам,
Рыжий ласковый осленок.

Пахнет вербой и смолою.
Синь то дремлет, то вздыхает.
У лесного аналая
Воробей псалтырь читает.

Прошлогодний лист в овраге
Средь кустов – как ворох меди.
Кто-то в солнечной сермяге
На осленке рыжем едет.

Прядь волос нежней кудели,
Но лицо его туманно.
Никнут сосны, никнут ели
И кричат ему: «Осанна!»

1914

Пасхальный благовест

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздается
Голос по лесам.
Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

**Алексей Жемчужников
(1821–1908)**

У всенощной на Страстной неделе

На улице шумной – вечерняя служба во храме.
Вхожу в этот тихий, манящий к раздумью приют,
Лампады и свечи мерцают в седом фимиаме,
И певчие в сумраке грустным напевом поют:
«Чертог Твой я вижу в лучах красоты и сиянья,
Одежды же нет у меня, чтобы в оный войти...
Убогое, темное грешной души одеянье,
О Ты, Светодатель, молюсь я Тебе: просвети!»

Вынос Плащаницы

Выносится в толпу Святая Плащаница.
Все расступаются, склоняясь перед ней.
Я слышу тихий плач. Заплаканные лица
Мне видны сквозь огонь бесчисленных свечей.
Свершилось! Кончены предсмертные страдания.
Умерший на Кресте положен в гроб Христос.
И в пенье клироса мне слышится рыданье,
И я роняю сам скупые капли слез.

Василий Жуковский (1783–1852)

Stabat Mater¹

Горько плача и рыдая,
Предстояла в сокрушенье
Матерь Сыну на Кресте;
Душу, полную любви,
Сожаленья, состраданья,
Растерзал ей острый меч.
Как печально, как прискорбно
Ты смотрела, Пресвятая
БогоМатерь, на Христа!
Как молилась, как рыдала,
Как терзалась, видя муки
Сына – Бога Твоего!
Кто из нас не возрыдает,
Зря Святую Матерь Бога
В сокрушении таком?
Кто души в слезах не выльет,
Видя, как над Богом Сыном
Безотрадно плачет Мать;
Видя, как за нас Спаситель
Отдает Себя на муку,
На позор, на казнь, на смерть;
Видя, как в тоске последней
Он, хладея, умирая,
Дух Свой Богу предает?
О Святая! Мать Любви!
Влей мне в душу силу скорби,
Чтоб с Тобой я плакать мог!
Дай, чтоб я горел любовью —
Весь проникнут верой сладкой —
К Искупившему меня;
Дай, чтоб в сердце смерть Христову,
И позор Его, и муки
Неизменно я носил;
Чтоб, во дни земной печали,
Под крестом моим утешен
Был любовью ко Христу;
Чтоб кончину мирно встретил,
Чтоб душе моей Спаситель

¹ Стояла Мать (лат.).

Славу рая отворил!

К. Р. (Константин Романов, великий князь) (1858–1915)

На Страстной неделе

Жених в полночи грядет.
Но где же раб Его блаженный,
Кого Он бдящего найдет?
И кто с лампадою возжженной
На брачный пир войдет за Ним,

В ком света тьма не поглотила?
О, да исправится, как дым
Благоуханного кадила,
Моя молитва пред Тобой!
Я с безутешною тоской
В слезах взираю издалека
И своего не смею ока
Воздеть к чертогу Твоему.

Где одеяние возьму?
О Боже, просвети одежду
Души истерзанной моей,
Дай на спасенье мне надежду,
Во дни святых Твоих Страстей.
Услышь, Господь, мои моления
И Тайной вечера Твоей,
И всечестного омовенья
Прими причастника меня.

Врагам не выдам тайны я,
Вспомануть не дам Иуду
Тебе в лобзании моем, —
Но за разбойником я буду
Перед Святым Твоим Крестом
Взывать коленопреклоненный;
О помяни, Творец вселенной,
Меня во Царствии Твоем!

Хвала Воскресшему

Хвалите Господа с небес
И пойте непрестанно:
Исполнен мир Его чудес
И славой несказанной.
Хвалите сонм бесплотных сил
И ангельские лики:
Из мрака скорбного могил
Свет воссиял великий.
Хвалите Господа с небес,
Холмы, утесы, горы!
Осанна! Смерти страх исчез,
Светлеют наши взоры.
Хвалите Бога, моря даль
И океан безбрежный!
Да смолкнут всякая печаль
И ропот безнадежный!
Хвалите Господа с небес
И славьте, человеки!
Воскрес Христос! Христос воскрес!
И смерть поправ навеки!

Тебе, Воскресшему, благодаренье!
Минула ночь, и новая заря
Да знаменует миру обновление,
В сердцах людей любовь горя.

**Алексей Кольцов
(1809–1842)**

Перед образом Спасителя

Перед Тобою, мой Бог,
Я свечу погасил,
Премудрую книгу
Пред Тобою закрыл.
Твой небесный огонь
Негасимо горит;
Бесконечный Твой мир
Пред очами раскрыт;
Я с любовью к Тебе
Погружаюсь в нем;
Со слезами стою
Перед светлым Лицом.
И напрасно весь мир
На Тебя восставал,
И напрасно на смерть
Он Тебя осуждал:
На Кресте, под венцом,
И покоен, и тих,
До конца Ты молил
За злодеев Своих.

Аполлон Коринфский (1868–1937)

Святая весть

Светозарною весною —
Днем и в поздний час ночной —
Много песен раздаётся
Над родимой стороной.
Много слышно чудных звуков,
Много вещей голосов —
Над полями, над лугами,
В полутьме глухих лесов.
Много звуков, много песен, —
Но слышней всего с небес
Раздается весть святая,
Песня-весть – «Христос воскрес!..»
Покидая свой приют,
Над воскресшею землею
Хоры ангелов поют;
Пенью ангельскому вторят
Вольных пташек голоса,
Вторят горы, вторят доли,
Вторят темные леса, —
Вторят реки, разрывая
Цепи льдистые свои,
Разливая на просторе
Белопенные струи...
Есть старинное преданье,
Что весеннею порой —
В час, когда мерцают звезды
Полуночную игрой, —
Даже самые могилы
На святой привет небес
Откликаются словами:
«Он воистину воскрес!..»

Александр Круглов (1853–1915)

*Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются.
Тит.1:16*

Лукаво выданный Своим учеником,
Он был жестокому подвергнут поруганью:
Увенчан тернием, и предан бичеванью,
И осужден на смерть неправедным судом.
И был Он на Кресте позорно пригвожден,
Обагрена земля Божественною кровью;
Но с высоты Креста изрек прощенье Он,
Учивший воздавать за зло любовью.
С тех пор столетия над миром протекли...
Во храме гимны мы Распятому возносим, —
И гоним истину, ее сынов поносим,
И распинаем тех, кто свет и соль земли!

1912

Михаил Кузмин (1875–1936)

Пасха

У Спаса у Евфимия
Звонят в колокола.
Причастен светлой схиме я,
Когда весна пришла.

Сквозь зелени веселые
Луга видны давно,
Смотрю на лес и села я
Чрез узкое окно.

Минуло время страдное
И в путь пора, пора!
Звучит мне весть отрадная
От ночи до утра.

Престали быть мы сырыми,
Опять Христос меж нас, —
Победными стихирами
Гремит воскресный глас.

О братья возлюбленная,
Ведите вы меня
Туда, где обновленная
Чернеется земля.

Ах, небо, небо синее!
Ах, прежняя любовь!
Не доживу до инея,
Лишь там сойдемся вновь!

Сойду не с погребальными
Я песнями во гроб:
С канонами пасхальными
Украсит венчик лоб.

Скрещу я руки радостно,
Взгляну на вешний лес,
И благостно, и сладостно
Скажу: «Христос воскрес!»

Март 1910

Пасха

На полях черно и плоско,
Вновь я Божий и ничей!
Завтра Пасха, запах воска,
Запах теплых куличей.
Прежде жизнь моя текла так
Светлой сменой точных дней,
А теперь один остаток
Как-то радостно больней.
Ведь зима, весна и лето,
Пасха, пост и Рождество,
Если сможешь вникнуть в это,
В капле малой – Божество.
Пусть и мелко, пусть и глупо,
Пусть мы волею горды,
Но в глотке грибного супа —
Радость той же череды.
Что запомнил сердцем милым,
То забвеньем не позорь.
Слаще нам постом унылым
Сладкий яд весенних зорь.
Будут трепетны и зорки
Бегать пары по росе
И на Красной, Красной горке
Обвенчаются, как все.
Пироги на именины,
Дети, солнце... мирно жить,
Чтобы в доски домовины
Тело милое сложить.
В этой жизни Божья ласка
Словно вышивка видна,
А теперь ты, Пасха, Пасха,
Нам осталась одна.
Уж ее не позабудешь,
Как умом ты ни мудри.
Сердце теплое остудишь —
Разогреют звонари.
И поют, светлы, не строги:
Дили-бом, дили-бом, бом!
Ты запутался в дороге,
Так вернись в родимый дом.

Страстной пяток

Плачет Дева,
Распента зря...
Кровава заря
Чует:
Земнотряси гробы зияют зимны.
Лепечут лепетно гимны
В сияньи могильных лысин.
Возвысил
Глас, рая отвыкший, адов Адам:
— Адонаи! Адонаи! —
Гуляют,
Трясаясь могильно, старцы,
Отцы и деды;
Вселяют
Ужас и радость ходилыцы прохожим.
Зрите, пророки:
Оки
Девы без бури —
Синее кобольта и берлинской лазури!
Сине сползло на щеки,
Синеет пречистый рот!..
Народ
Любимый,
Разве вразбега зигзаг
Не чтется могиле могила?
Хлестко
Рванулась завесь святая...
Молила,
Распента зря, жестко
Жестоковыйных железных...
Адонаи!
В безднах
Остановился вир синий.
Павлиний
Луч рассекают кометы,
С петель сорвные!
Деве сердце вонзло пронзило
Копье, и меч, и трость.
Моли, да подаст Тебе силы
Тленитенной Гость.
О, как бьется
Голубь сердный,
Страж усердный
Божьей Мати!
Вот склонилась,

Вот скорбнилась,
К бледну палу
Вот упала.
А над Девьей млстивной главой,
Как плаканный у мытаря золотой,
Звезда восстала!

1917

Склоненный ангел на соборе
Свой пламенник бросает в твердь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.